

Афанасью Яковлевну Сидорину (Буденкову) мы узнали сразу: такая же милостивая, с тонким румянцем на высоких скулах, худенькая, аккуратная, улыбающаяся. Такой мы впервые увидели её на цветном фото у Семочкиной Анны Ефимовны (она среди бывших узниц во время встречи в сельской библиотеке).

В уютном, гостеприимном доме дочери Софьи Егоровны Гришиной, куда мы пришли для беседы с Афанасьей Яковлевной, все располагало к душевному разговору. Видно, дочь не раз слышала материнскую исповедь, поэтому принимала самое живое участие в диалоге, показывала семейные фотографии, поздравления от нашего резидента.

Чувствовалось, что пожилой человек согрет любовью и вниманием родных, а его воспоминания дороги для них и святы.

Афанасья Яковлевна исполнилось пятнадцать лет, когда деревню оккупировали немцы. Старшей сестре Пасковье - 17, брату Григорию 13 лет - все в самом красивом возрасте. Но война ворвалась не только в их судьбы - людям разных поколений не сладко было в годы оккупации.

Отец Афанасьи Яков Кузьмич работал перед войной продавцом в магазине, в армию не был мобилизован, и когда пришли немцы, все время держал связь с партизана-

Мама скажет: «Ничего, я вам, дети, преснаков напеку - целы будем». Одежду, обувь в отряд передавали. Соседи были очень хорошие: знали, что они держали связь с партизанами, но никто не выдал.

Полицаями и старостой составлялись списки для набора в Германию. Прошло уже два набора, но их семью пока не трогали. К концу лета 43 года и немцы, и полиция будто озверели: чувствовали они свой конец.

В начале сентября, числа 3-его или 4-ого, рано утром пришел полицай Сыроежкин Иван и сказал отцу: «Готовь дочку в Германию!».

Родители застыли в растерянности. Чтобы Хоня не успела никуда скрыться, почти тут же за ней явились еще два полицая, приказали быстро собирать вещи. Откуда-то пригнали подводку. Мать, плача, положила кусочек сала, хлеб, кое-какую одежку.

Уже в Хотимск, где их держали под стражей в здании бывшей еврейской школы, отец принес ей овчинный полушубок. Потом этот полушубочек сослужил добрую службу: в холодное время в Германии он согревал не только Хоню, но и спасал от холода её подруг.

9 сентября посадили на машины, чтобы везти в направлении Коммунар.

Родители пришли из Боханов в надежде, что, может, отпустят их детей. Некоторые родственники ждали у немецкого штаба, который находился на краю деревни.

Всего лишь минуты на 2-3 остановились машины у села. Дедушка Хони Кузьма Яковлевич, добрый старичок, пришел попрощаться с внучкой, но споткнулся на дороге, упал, заплакал, бедный. Он думал, что видит её в последний раз. А сколько плакали все!

Через Коммунары повезли на станцию Климовичи. Там загнали в вагон для перевозки скота, битком набили. С ними было несколько партизан, которых немцы недавно поймали (потом эти мужики где-то на Полесье убежали из вагона вместе с несколькими девушками из Западной Белоруссии).

Не помнит Афанасья Яковлевна, сколько дней их везли. От тоски не хотелось ни есть, ни пить. Ехали через

«...из пересказов устных да пожелтевших фото той войны»

ходу яблоко с дерева (вдоль дорог в Германии было очень много фруктовых деревьев). Однажды машина остановилась, и все набросились на ежевику, порезали себе руки и ноги. Почему-то стали болеть ноги, ведь почти все босые были. То ли от сырости, то ли от климата лопалась кожа на ногах, текла кровь.

Сначала отправили их в фильтрационный лагерь, где каждого, как и положено у немцев, взяли на строгий учет, выдали личный номер. До сих пор помнит Афанасья Яковлевна свой номер - 2563, а у подруги Шуры Костюшкиной - 2562. На рукаве нашивка «OST». Так обезличивали людей фашисты, так растаптывали человеческое достоинство.

Попала Хоня на завод в город Райнбах. Здесь делали и цемент, и бумагу. Здесь она узнала, что такое каторжный труд.

Жили в бараках за колючей проволокой, спали на нарах. Шура почему-то боялась спать одна и часто ночью приходила к подруге, но это не разрешалось, их могли бы за такое наказать. Подъем всегда в 6 часов утра. Немец открывал двери в барак, будил криком. Быстро умывались и завтракали, если это можно было назвать завтраком: кружка несладкого чая и ничего больше. Выпивали эту кипяченую воду — и на работу.

Афанасья на носилках таскала щепки для раствора. Иногда удавалось возить её на тачке с двумя ручками — это было намного легче. В такие минуты руки, превратившиеся в сплошную незаживающую рану, немного отдыхали. Все тело болело, ныла спина, но не дай бог упасть или серьезно заболеть — тогда конец! А еще им делали какие-то уколы и брали кровь. Никто ничего не объяснял: славяне ведь для немцев и не люди вовсе были.

Молодые девчонки, они в изгнании не понимали, что такое «не хотеть есть». Есть хотелось днем и ночью, даже во сне.

На обед отводился 1 час. Давали баланду: брюква, капуста плавает в воде, никакого мяса или косточки и в

Рабочий день 12-14 часов. К концу смены едва могли самостоятельно передвигаться и боялись одного — упасть и потерять сознание. А ведь многие падали в голодные обмороки, из-за болезни. Их тут же куда-то увозили, и больше они не возвращались. Немцы очень опасались инфекций и, наверно, добивали заболевших.

Работали и семейные, правда, жили они в отдельном бараке. Хоня подружилась с девушкой из Полесья Кашеяд Марией. До этого Мария находилась в каком-то страшном лагере на болоте. Там почти все умерли, а их, уцелевших, отправили в Германию.

Пробовали посылать их на работы к хозяевам. Вязали жито в снопы, сушили сено, делали все, что прикажут. Здесь уже давали хлеб. Почему-то хозяйева просили выбрать для них девчат с Могилевщины, говорили, что хорошо работают.

К весне 45 года все уже знали, что фронт близко, советская армия освобождает Европу.

Американцы стали чаще бомбить, и узники больше времени проводили в бомбоубежище, куда прятались под вой сирены.

Однажды после сигнала «отбой» возле входа в убежище немцев не оказалось, и все ринулись сначала в столовую, потом взломали склад, похватили там одежду какую-то, обувь (деревяшки), одеяла. Немцы вскоре появились, все отняли, избили каждого, у кого обнаружили хоть какой-то «трофей». Хоня с Шурой одежду успели утопить в реке, а деревянные разбили о рельсы и камни, выбросили — чудом избежали расправы.

А бомбежки продолжались. 4 апреля 1945 года целую ночь грохотала канонада, а узники прятались в бомбоубежище. Утром вышли — жуткая тишина. Бараки разрушены, нет полздания столовой. Немцы покинули лагерь — сбежали.

Откуда-то сверху, с горы, спуска-

лись люди, что-то радостно кричали. Это были американцы, много темнокожих.

Пленные попрытались в оставшиеся бараки. Вдруг заходит темнокожий человек и... протягивает Хоне шоколадку (она тогда очень худенькой была, видно, жалко ему ее стало).

Более десяти дней отдыхали, отъедались. Потом всех на грузовиках повезли к Эльбе. Там уже передали их советским войскам. Каждого брали на учет и стали готовить к отправке на родину.

Сразу после освобождения один советский солдат дал Хоне листочек бумаги и карандаш и сказал, чтобы написала родным письмом. Она так и сделала. И письмо дошло!

Сестра получила его ещё весной и побегала через всю деревню на поле, где женщины перебирали картошку. Читали все и плакали, поздравляли родных.

Как мало, оказывается, надо для счастья — три строчки: «Жива, здорова, скоро приеду».

Приехала Афанасья в родные Боханы в августе 1945 года и сразу на работу в колхоз. Некогда было отдыхать: все разрушено, нужно поднимать хозяйство. Так всю жизнь и проработала в колхозе. Учиться тоже было некогда. Не всегда бывших узников понимали окружающие. Много всего пришлось пережить. Муж рано ушел из жизни. Выросли дочь и два сына, получили образование, 5 внуков взрослых, 6 правнуков у бабушки Хони. Дети и внуки заботятся о ней - только живи да радуйся, но здоровья нет. А воспоминания порой нахлынут — похолодеет все внутри.

Афанасья Яковлевна пожелала нам мира и добра, а на прощанье сказала: «Учитесь да радуйтесь жизни за нас».

Анастасия НИКИТЕНКО, Екатерина ПРОШКИНА, учащиеся 8 «А» класса СШ №2, члены поискового отряда «Память».

Сам факт живого, непосредственного общения с участницами и очевидцами событий является, может быть, той последней возможностью, благодаря которой юное поколение чувствует себя ответственным за хранение памяти и перепа-

ми . Жили они тогда на улице Городской, недалеко речка, лес. Часто приходили партизаны. Бывало, мать напечет хлеба, а он только некоторое время полежит, остынет. Ночью придут партизаны, заберут.

Польшу и Восточную Германию. Из вагонов не выпускали. Привезли куда-то, говорят: «Это Лоторингия». Потом везли на машинах. Обессиленные, голодные, они рады были сорвать на

помине не было. Это пойло пили прямо из мисок. Кусочек хлеба да малюсенький, с ноготок, кубик маргарина, как правило, испорченный, позеленевший. На ужин — одна вареная картофелина в кожуре, и то не всегда.

чувствует себя ответственным за хранение памяти и передачу её потомкам.
Память священна, она нужна нам как неиссякаемый источник гражданских, патриотических чувств. И мы не имеем права забывать и извращать историю, в которой есть как славные, героические, так и трагические страницы.

Никитенко, А. «...из пересказов устных да пожелтевших фото той войны» : [о Сёмочкиной Анне Ефимовне, узнице фашистских лагерей] / Анастасия Никитенко, Екатерина Прошкина // Шлях Кастрычніка. — 2009. — 18 красавіка. — С. 3.